

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСИИ

Когда по тому или другому поводу заходит речь о литературе Персии, то всегда с этим связывается представление о чем-то в своем развитии давно законченном, получившем заслуженную оценку и в настоящее время имеющем лишь культурно-исторический интерес.

И действительно, персидская литература, под которой обыкновенно понимают литературу мусульманской Персии, зародилась в IX—X веках по Р. Х., достигла под могучим влиянием мистики суфизма полного расцвета в XIII веке, а к концу XV века, в лице последнего классика Джами, завершила свой путь. Последующий четырехсотлетний период, отмеченный иногда ценными и выдающимися фактами в литературной жизни, в общем представляет собою картину постепенного изживания содержательности и мельчания вкусов, по мере того, как и сама Персия изживала свое содержание, как государство.

Так продолжалось до середины прошлого — XIX века, до начала царствования шаха Насир-ад-Дина (1848—1896), которое во многих отношениях является переходной эпохой, служит как бы рубежом между старой и новой Персией. С этого времени начинается медленный, но непрерывный приток западно-европейских понятий, взглядов и вкусов, усиливается книгоиздательская деятельность, благодаря типографиям, обосновавшимся в Персии еще в начале XIX века. Важным моментом было учреждение в Тегеране в 1852 году «Дар-уль-Фууну'а», политехнической школы-колледжа, для преподавания в которой был приглашен ряд европейских учителей, запявших сверх преподавания переводом европейских сочинений по специальным наукам, которые изучались в «Дар-уль-Фууну'е».

В результате этой деятельности новый мир открылся перед персами; дипломатические сношения с европейскими странами повели к частым поездкам за границу, к образовательным командировкам молодежи. Французский язык на первых же порах занял господствующее положение, служа проводником французской культуры и укрепляя симпатии к Франции со стороны персов-французов Востока. Одновременно увеличился наплыв европейцев, искавших в Персии коммерческих выгод и концессий на разного рода предприятия; появились иностранные духовные миссии — английская, американская, французская — католическая, с каждым годом расширявшие круг своего

влипания, распространяя европейские идеи и привычки. Следуя примеру европейцев, сами персы, а затем и правительство, стали направлять усиленную энергию к открытию школ по европейскому образцу, проявив жизненную силу, которую трудно было ожидать от народа, по общему мнению давно сошедшего с исторической сцены.

На ряду с этим в Персии обнаружилась деятельность разного рода кружков и обществ, служивших целям саморазвития и просвещения. «Прогрессивное общество», например, ставило своей задачей развитие сети школ на частные пожертвования не только в Тегеране, но и повсюду в провинции.

Появились и газеты, в которых, кроме кратких известий, отводилось место обсуждению и разъяснению вопросов общественного характера, с ссылками на примеры из западно-европейской жизни; они послужили к созданию того, что называется общественным мнением.

Отражением идей и настроений новой Персии являлись не только переводные и оригинальные сочинения или газеты, печатавшиеся долгое время, в силу политических условий, за границей, но и возродившееся к новой жизни, с новым содержанием, поэтическое творчество; для персидской литературы, довольствовавшейся старыми, строго определенными образцами, все это были новые элементы.

Переводная литература в первое время, с учреждением «Дар-уль-Фунун'а», удовлетворяла практическим потребностям. Преподавателями-европейцами, среди которых встречаются имена J. Nicolas, первого издателя и переводчика «Четверостиший» Омара Хайяма, и д-ра J. Polak'a, вдумчивого и наблюдательного этнографа Персии, были переведены и составлены руководства по математике, естественной истории, медицине, географии и пр. для естественного отделения «Дар-уль-Фунун'а»; равно как руководства к изучению военного дела—пехотного учения, артиллерии, фортификации и пр. Для учрежденной впоследствии «школы политехнических наук» были переведены и скомпилированы соответствующие пособия.

По мере усиления интереса к европейскому Западу и его духовной жизни появился спрос на самые разнообразные произведения, при чем выбор сочинений, в виду полного незнакомства переводчиков с западно-европейскими литературами, производился без всякой системы. Были переведены «История Петра Великого» (по Вольтеру) и «История Наполеона I», исторических личностей в настоящее время наиболее популярных в Персии; «Хаджи Баба Исфахани» Морьера, до последнего времени находившийся под запретом; в сильной степени проявился вкус к французским романам: стали зачитываться произведениями А. Дюма: «Три мушкетера», «Граф Монтекристо», «Королева Марго», романами Ж. Верна и др. Увлечение романтической литературой способствовало акклиматизации этой отрасли в современной персидской литературе в том виде, как она понимается в Европе.

Из оригинальных сочинений, написанных под влиянием западных идей, надо упомянуть произведения мурлы Абдурахима Талибова «Пути благодетелей», повесть, большая часть которой наполнена рассуждениями на политические и социальные темы; сочинения И'ттимад-ус-Сальтанэ и Мирза Малькам-хана, о которых речь будет дальше. Большим успехом пользовалось в Персии сочинение Хаджи Зейн-уль-Абидини—«Книга путешествия Ибрахим-бека», до последнего времени тоже находившаяся под запретом,—прекрасная сатира на старый режим в Персии. За последнее время персы заметно стали проявлять особенный интерес к прошлому Ирана: писались

и переводились общая история Персии, история царствования Надир-шаха, история сефевидов, древняя история Ирана и, наконец, «История пробуждения Персии», труд, предпринятый Назим-уль-Исламом, ценный своими подробностями и продолжающий печататься выпусками до настоящего времени. Вся эта деятельность, сложная и разнообразная, носит характер по преимуществу коллективный; все же и за этот период можно указать несколько отдельных лиц, способствовавших возрождению и развитию новой литературы Персии.

Одной из самых замечательных и характерных фигур на фоне царствования шаха Насир-ад-Дина, периода переходного в новейшей истории Персии, периода широко задуманных под влиянием путешествий в Европу, но невыполненных реформ, является писатель и государственный деятель Мухаммад Хасан-хан Итимад-ус-Сальтанэ. Сын даредворца, потомок правивших некогда в Персии монголов, связанный родством с правящей ныне династией Каджаров, он получил образование в «Дар-уль-Фунун'е» по отелу военных наук и до 1864 года проходил военные должности; затем несколько лет пробы секретарем посольства в Париже, по возвращении откуда занимал ряд придворных должностей.

Дальнейшая разносторонняя деятельность не помешала Мухаммаду Хасан-хану проявить себя также разносторонне и в области литературной.

Принимая живое участие в трудах, так называемого, «Дома сочинительства», деятельности которого обязана своим появлением в свет известная энциклопедия — «Книга ученых», к сожалению, неоконченная, Мухаммад Хасан-хан сотрудничал в выходивших под его редакцией газетах, редактировал дневник путешествия шаха в Кербелэ и косвенно влиял на появившиеся в свет и характер некоторых серьезных научных изданий в Персии. Писал он по самым разнообразным вопросам, работая и самостоятельно и прибегая к переводам; но с особенным интересом затрагивал он вопросы географии и истории, археологии и пумпзматикн. Такие труды, как география Персии, заключающая в себе подробное описание провинций, городов и деревень Персии с приведением исторических данных, подробное описание и история города Мешхеда, пространное изложение событий в царствовании шаха Насир-ад-Дина с биографией выдающихся личностей в эту эпоху — все они говорят достаточно о его заслугах перед персидской литературой. Благодаря знакомству с европейскими странами, их языками и произведениями литературы Мухаммад Хасан-хан выработал и взгляд на задачи историка, и приемы пользования источниками, которые выделяют его из общей массы персидских историков и делают его пионером европейских научных методов в Персии.

Мирза Малькам-хан Назим-уд-Доуля, сын армянина из Джульфы Исфаханской, принявшего мусульманство, родился в Исфахане в 1833 году. Тщательно подготовленный, благодаря заботам отца, он был отправлен последним в Париж, где получил среднее и высшее образование, проявив особый интерес к изучению права. По возвращении в Персию он был назначен личным переводчиком шаха и, завоевав себе доверие при дворе, получил возможность быть в курсе политических дел. Когда отправлялось в Европу посольство Фаррух-хана Амни-уд-Доуля, Малькам-хан вошел в его состав в качестве советника и получил возможность объехать большую часть Европы, побывав в Америке и участвовал в заключении дружественных и торговых договоров.

Знакомство с западной культурой на вдумчивом и наблюдательном Малькам-хане оставило неизгладимый след, и, как результат этого знаком-

ства, явился ряд политических памфлетов на тему о желательных реформах; влиянием же Малькам-хана объясняется ряд практических нововведений, как например, устройство телеграфа.

В течение следующего периода Мирза Малькам-хан занимал высшие дипломатические должности, был посланником в Египте, Вене, Берлине, участвовал в Берлинском конгрессе, где должным образом отстаивал интересы Персии, за что получил титул принца.

Под конец своей жизни он был послом в Лондоне, а затем в Риме, где и умер в 1908 году.

В начале царствования шаха Насир-ад-Дина Мирза Малькам-хан основал в Тегеране общество, известное под названием «Дом забвения», которое ставило своей целью устранить оторванность и разобщенность между правящими классами и остальной массой народа, другими словами, способствовать пробуждению чувства национального самосознания и единства. Общество на деле являлось масонской ложей, отделом «Grand Orient» — «Великого Востока», учрежденной при содействии и влиянии из Салоник.

Общество это подверглось преследованиям, и сам Малькам-хан вынужден был отправиться за границу, посланником в Лондон.

В 1890 году Мирза Малькам-хан основывает в Лондоне газету «Закоп», которая сыграла громадную роль в истории пробуждения и развития национального и общественного самосознания Персии. Газета эта, весь материал которой принадлежал исключительно самому М. Малькам-хану, как показывает уже ее название, ставила своей задачей привить ее читателям сознание необходимости законности, чувства права, указывая, что возрождение Персии покоится единственно на создании определенного кодекса законов, хранителем которых должно явиться законодательное собрание. Газета просуществовала около трех лет и за все это время вышла в свет в количестве 41 номера. В самой Персии газета и ее читатели подвергались преследованиям, что еще более усиливало интерес к ней и ее значение. В литературном отношении и газета, и другие произведения М. Малькам-хана знаменуют собою начало постепенного изменения персидского языка, обогащение его новыми понятиями и формами. Отличительной чертой сочинений М. Малькам-хана является легкость и простота стиля, делавшие их доступными для широкого круга читателей. Уже в начале своей карьеры он ввел в делах министерства иностранных дел новый упрощенный способ писания.

Как мыслитель, М. Малькам-хан пытался создать новую «религию», «религию человечности», и имел, по его утверждению, довольно большой круг прозвитов.

Умер М. Малькам-хан, как сказано, в Риме в 1908 году, «счастливым видеть цель свою достигнутой и посев свой пожатым».

На ряду с другим факторами впоследствии занял первенствующее место новый — пресса, явление характерное для современной персидской литературы.

Первая газета появилась в самом начале царствования шаха Насир-ад-Дина, в 1851 году, в Тегеране, под заглавием «Дневник случайных событий», и выходила регулярно каждую неделю. Через десять лет, в 1861 году, стала выходить газета — «Дневник высокой державы Ирана», явившаяся продолжением первой, с портретами выдающихся деятелей и сообщениями о цветущем состоянии различных провинций Персии и назначении должностных лиц. Впоследствии эта первая персидская газета продолжала выходить под разными заглавиями, мало изменив свой характер официального

органа. Из провинциальных газет за этот период заслуживает внимания основанная в 1879 году в Исфахане газета «Мудрость», издатель которой Мирза Тагы-хан был одним из видных представителей старого поколения, сочувственно относившихся к проникновению в Персию европейских идей и образованности. Он был известен, как глубокий знаток астрономии и естественных наук, сочинения его на эту тему, писанные простым и ясным стилем, имели в то время не малое значение.

Появление первого периодического органа, посвященного специально научным вопросам, относится приблизительно к тому же времени. В 1864 году стал издаваться «Научный дневник», служивший просветительным целям «Дар-уль-Фунун'а», и только лишь в 1903 году появился на короткое время первый научный журнал — «Сокровищница искусств», ставший до некоторой степени известным благодаря своим ученым редакторам, одним из которых был популярный впоследствии сейид Хасан Тагы-заде. Появились и другие журналы, посвященные специальным вопросам — естественно-историческим, этическим, религиозным и др., но в силу малой подготовленности авторов к правильной трактовке вопросов и цензурных условий, они не оставили по себе заметного следа. Наибольшим влиянием среди персов пользовались газеты, выходявшие за границы; являясь непосредственными толкователями и проводниками европейских понятий и взглядов, они в сильной степени способствовали пробуждению национального самосознания. Вместе с тем они положили начало коренному изменению литературных понятий и вкусов, а под влиянием этих последних — постепенному перерождению и самого персидского языка, упрощая стиль, вводя новые слова и термины и придавая старым новые значения. Доступ в Персию зарубежных персидских газет был крайне затруднен. Старейшей из таких газет была «Звезда», основанная в Константинополе в 1875 году и продолжавшая существовать до 1896 года, когда была закрыта османским правительством. Среди прогрессивных кругов персидского общества, не выработавших еще способности самостоятельной критики, значение и авторитет ее выражались в точном усвоении ее взглядов на совершавшиеся события и положение вещей, а среди среднего и низшего классов населения самое слово «Звезда» (Ахтар) в применении к читателям этой газеты получило смысл религиозной секты. Сотрудниками ее среди других были Мирза Ага-хан Кермани и Мирза Али Мухаммад-хан. Последний основал в Каире в 1899 году собственную газету — «Плеяды», приобревшую не меньшую популярность. Спустя полтора года М. Мухаммад-хан основал другую газету — «Воспитание», отличавшуюся изяществом стиля и имевшую большой успех среди молодого поколения. Газета отличалась страстностью и смелостью в своих нападениях на правительственную систему в Персии, в частности, непримиримой ненавистью к Садр-Азаму (великому визирю), Амиш-ус-Султану и его антипатриотичной деятельности. В литературном отношении привлекают внимание в этой газете повести иноказначительного характера, как образчика нового стиля в персидском языке, например, рассказ о «Дочери Хаджи Намадма'я (валяльщика войлока)». В последнем номере интересен «Плач по сломанном пере».

Со времени провозглашения конституции (1906 г.) число газет неуклонно растет; большая часть их ограничилась эфемерным существованием, но за то другие стали руководителями общественного мнения и выразителями народных стремлений и надежд. Важное значение приобрели газеты «Маджлис», печатавшая отчеты заседавший парламента, «Новая Персия» и «Труба (архангела) Серафима». Характерным литературным фактом в период

освободительного движения являются сатирические и юмористические журналы и газеты, каковы «Дервишеская чашка», «Земные гады», «Бахлюль», остроумные более или менее с тщательно выполненными рисунками. Наконец, как знаменательное явление для Персии, надо отметить специальную женскую газету «Знаппе», основанную в Тегеране в 1910 году женой одного окулиста.

В области поэтического творчества, ископни составляющего гордость персидской литературы, в поэзии, наиболее ярко отразившей дух персидского народа, знакомство с западными идеями вызвало настоящую революцию как во взглядах на задачи поэзии, так и в темах и, наконец, в самом языке. Составился определенный взгляд, дана была характеристика поэзии, совершенно отличные от тех, которые можно вывести из знакомства со старыми образами; суждение о старой литературе и новый взгляд на поэзию выражены были одним из видных деятелей конституционного периода, упомянутым сотрудником газеты «Звезда» Мирза Ага-ханом Кермани: «Никто не отрицает силы и оригинальности старых поэтов Персии, никто не оспаривает блеска и изящества их стихов; но какое действие произведено было писаниями наших поэтов и ученых, какие плоды принесло дерево, посаженное ими в саду песен, и что было пожато от их посева? Результатом их невозможных гипербола явилась лживость, привитая бесхитростной натуре простого народа; результатом их лести и панегириков было поощрение правителей и их министров к совершению всякого рода подлостей и безумств; результатом их философского и мистического учения явилась грубая лень и тупеядство, толпы нищих и попрошайек; результатом их песнопений в честь роз и соловьев была испорченность нравов и развращенность молодого поколения.

Поэты Европы составляли и составляют самые разнообразные произведения, но они подчинили поэтическое искусство законам логики и имели в виду просветить умы людей, рассеять пустые предрассудки, увещевать беспечных, порицать невежд, побуждать людей к благородным поступкам, удалять их от позорных делений и возбудить в них патриотизм и преданность своему народу. Итак, истинное назначение поэзии — возбуждать сердца людей, их сострадание, пробуждать их мысль, направлять к добродетелям, благочестию и умеренности, а не поощрять к низким и подлым поступкам».

Данная М. Ага-ханом характеристика вполне совпадает с тем, что мы видим в поэтических произведениях современной Персии. Новая персидская поэзия стала ближе к жизни, к ее запросам и потребностям, ближе к народу, надеждами которого она живет, печали которого она разделяет, само понятие о патриотизме, чуждое раньше Востоку, усвоенное поэзией и составляющее одну из ее характерных особенностей, проводит резкую грань между старой и новой поэзией Персии. Одним из ранних представителей нового течения был Шейбани, перевод «мировой скорби», скончавшийся в 1891 году. В противоположность поэтической деятельности его современников, сводившейся к более или менее искусным перепевам старых мотивов, поэзия Шейбани носит на себе печать личного, продуманного и пережитого; Шейбани нельзя назвать великим поэтом, но нельзя и отказать ему в таланте и оригинальности. Чуждый подражания корифеям персидской литературы, он черпает вдохновение из того, что дала ему его жизнь. Ноты печали и мысль о бренности земного существования — характерные черты его лирики. Уже самые обстоятельства личной жизни не мало послужили основанием для выработки pessimистического направления

в творчестве Шейбани. Он был родом из Кашана и, принадлежа к зажиточному классу, внезапно подвергся преследованиям со стороны власти имущих и, при полном отсутствии в Персии гарантии личной и имущественной неприкосновенности, оказался вскоре лишенным всего. Добравшись до Тегерана, Шейбани только благодаря участию, принятому в его судьбе всемогущим министром Амин-ус-Султаном, имел возможность избавиться от пыток и лишения, ярко описанных им во многих из его стихотворений.

Начало творческой деятельности Шейбани относится еще к кашанскому периоду его жизни.

В Тегеране, поддержанный могущественными покровителями, Шейбани мог спокойно предаваться своей деятельности и определеннее выразил свое мировоззрение в ряде поэм и рисалэ (посланий).

Уже в произведениях кашанского периода заметны черты пессимистического направления, ставшего господствующим в последующем творчестве Шейбани. Находясь в столице, он вел жизнь анахорета, редко появляясь даже перед своими покровителями; пессимист, склонный к отречению от мира и религиозному квиетизму, он рядом со своим домом воздвиг могильный памятник. Одним из мотивов, содействовавших развитию пессимизма Шейбани, было сознание несоответствия между суровой и неприглядной действительностью и теми возможностями, которые таились в натуре Шейбани, между способностями, задатками и положительными качествами, заложенными в нем и развитыми его отцом, и, как неожиданный результат последних, выпавшими на его долю испытаниями. С тем же пессимизмом относится он и к своей поэтической деятельности, считая последней одной из главных причин постигших его превратностей судьбы. В одном лишь отношении он не может отказаться от поэтического творчества, тем самым признавая его силу и значение — это когда речь идет о необходимости дать полезные указания или громко заявить о печальном положении вещей в стране. Здесь мы встречаемся с наиболее интересной стороной творчества Шейбани — его политическими сатирами.

Вдумываясь в причины роковым образом сложившихся обстоятельств, жертвой которых он пал, поэт естественно усматривает их в общих недостатках системы управления, в печальных и невыгодных условиях существования в Персии. Превосходно изображает он жалкое состояние находящегося на краю падения и полного разложения государства, неумолимо бичует царствующие повсюду злоупотребления, насилие и подкупы, указывает на голодных и недетых солдат. «Шах находится на ложном пути, спокойно взирая на все происходящее; ему нужен руководитель, но среди имеющихся налицо министров нет ни одного, способного установить порядок. Религия страдает, государство находится под тягостным бременем, а министр, на попечении которого и религия, и государство, радуется цветущему состоянию своих садов и дворцов». С необыкновенной смелостью обращается Шейбани с упреками к шаху: «если ты не отгонишь от стада волка насилием, тебя нельзя назвать достойным царствования!»

Нельзя не подивиться отваге, с которой Шейбани выступил на путь обличителя. В его время — в эпоху «великого абсолютизма» — такие речи впервые громко раздавались. Поблажку, оказавшую в данном случае Шейбани, можно объяснить лишь влиянием его высоких покровителей. Все же, произведения Шейбани не могли быть опубликованы в самой Персии; они вышли в свет в Константинополе в 1891 году, т. е. в самый год смерти Шейбани.

Поэт-сатирик Мирза Али Акбар-хан, родом из Казвина, один из самых популярных писателей в освободительный период, известностью своей обязан главным образом сатирическим статьям, печатавшимся в газете «Труба Серафила» (1907 — 1908 гг.). Статьи эти, род маленького фельетона, регулярно появлялись под заглавием «Всякая всячина» за подписью «Дахоу», что на языке казвинцев значит «староста»; это был «тахаллус» (псевдоним, nom de plume) Мирза Али Акбар-хана. Его стихи были сатирами, подчас очень едкими и остроумными, на самые разнообразные явления политической и общественной жизни Персии. Не мало доставалось здесь и духовенству, подвергалось критике ненормальное положение персидской женщины, беспощадно осуждалось одно из специфических зол Персии — курение опиума, высмеивались и европейские порядки; ставшая традиционной вражда к России находила и здесь свое выражение, словом, не было темы, на которую не отозвался бы остроумный «Дахоу». Излагались стихи языком народным, в высшей степени простым, полным кратких и метких выражений, искусно подмеченных и пущенных в литературный обиход. На этих сатирах Дахоу'а нельзя не усмотреть прямого влияния юмористического журнала «Мулла Насрэддин», издававшегося в Тифлисе с 1906 года на турецком наречии Азербайджана; журнал этот был весьма популярен среди мусульманского населения Закавказья и северной Персии, не исключая и Тегерана; журнал был прекрасно осведомлен в персидских делах и, благодаря распространенности турецкого азербайджанского наречия в северной Персии, был доступен персам наравне с персидскими газетами.

Летом 1908 года, после подавления конституционного движения Мухаммад Али-шахом и закрытия всех газет, Мирза Али Акбар-хан бежал за границу и в Ивердоне, в Швейцарии, стал издавать с начала 1909 года газету под тем же названием «Труба Серафила», но это была только тень прежней, по выходе четырех номеров прекратившая свое существование.

После этого М. Али Акбар-хан сотрудничал в газете «Суруш», выходившей в Константинополе и основанной персидским анджуманом (клубом эмигрантов) в 1910 году. Из поэтических произведений Дахоу'а заслуживает внимания трогательная и полная чувства элегия на смерть его друга, издателя «Трубы Серафила», убитого в день насильственного переворота в июне 1908 года. Элегия эта интересна, как пример, правда, единственный, влияния европейской поэзии на построение персидского стихотворения: каждая строфа имеет две самостоятельные рифмы, проходящих соответственно в первых и вторых полустишиях.

Отличительной чертой литературы реформационного периода явилось стремление дать возможность самым широким слоям населения Персии вплоть до глухих провинциальных уголков усвоить новые понятия, новые идеи, нахлынувшие в Персию, часто взаимно противоречивые и не всегда правильно понимаемые даже столичной интеллигенцией. Стремление это выразилось, кроме специальных газет, приуроченных к языку и уровню развития простонародья, и отдельных статей, писанных на общераспространенном народном говоре, в ряде народных стихотворений — песен, в большинстве, так называемых, «таснифов» — романсов, посвященных обыкновенно характер памфлетов, сатир на лица и политические и общественные события, или же представляющих патристические и революционные гимны. Автором таких стихотворений песен является известный сейид Ашраф-ад-Дин аль-Хусейн из Казвина. В 1907 году в период первой конституции, он выступил на поприще журнальной деятельности, основав в Реште газету «Ветерок севера». После событий, разразившихся в Гиляне (в декабре

1911 г. и январе 1912 г.) сейид Ашраф-ад-Дин вынужден был бежать, и газета его была закрыта. Из под его пера за этот период вышел ряд поэтических произведений, среди которых известны сатиры на духовенство. Вернувшись вскоре в Решт, он продолжал свою литературную деятельность в ряде мелких брошюр с содержанием наставительного характера: переложил на персидские стихи басни Лафонтена и Флориана, составил религиозную поэму и мн. др. Но более всего известен сейид Ашраф своими политическими «таснифами», в которых живо отражается неподдельное чувство патриотизма; горькая прония и пессимизм служат характерными чертами этих «таснифов». В настоящее время сейид Ашраф-ад-Дин издает в Тегеране ту же газету «Ветерок севера», единственную, кажется, в данный момент, на страницах которой охотно предоставляется место для первых более или менее решительных попыток поставить на обсуждение женский вопрос в Персии; иногда в обсуждении его принимают участие и сами заинтересованные женщины. Газета отличается от своих современных собратий легкостью и простотой стиля, народными выражениями, отводя место для шуточных рассуждений на злобу дня, в которых сказывается подражание знаменитым сагирам Дахоу'а.

Другим не менее популярным, чем сейид Ашраф, певцом политических «таснифов», является в настоящее время Ариф, родом также из Казвина. В его произведениях, среди которых, кроме «таснифов», есть и «газели», звучат еще отголоски суфийского мистицизма, владевшего когда-то умами и сердцами самых выдающихся представителей персидской литературы. На празднестве, устроенном в конце 1911 года литературным кружком демократов в память победы конституционалистов, завершившейся низложением шаха Мухаммад Али, Ариф пропел один из лучших своих «таснифов»; пение его произвело на присутствующих потрясающее впечатление.

В начале 1913 г. Ариф был заключен в тюрьму за обидное для тогдашнего регента Насир-ул-Мулька сравнение. Благодаря помощи своих почитателей ему удалось заменить заточение кратковременной ссылкой в Исфахан.

Как уже было указано, попутно с восприятием новых идей, и язык — средство для их выражения — неминуемо должен был подвергнуться изменению, приспособиться к массе новых понятий. Большую роль в этом отношении сыграла обширная учебная литература, в которой язык должен был выработать не только отдельные термины, но и примениться к образу выражения, чуждому до сих пор для него.

Понятия из области политики, права, общественных явлений, финансовых отношений требовали соответствующих выражений на персидском языке. в одно и то же время кратких и ясных и недопускающих двусмысленного толкования. Пришлось прибегнуть к изобретению новых слов с помощью богатого арабского языка, старым персидским словам придавать новое значение и в крайнем случае оставлять нетронутыми европейские слова, слегка изменив их согласно правилам персидской фонетики. Влияние османского языка с его готовыми терминами европейских понятий в данном случае бесспорно.

Подводя итог всему сказанному, легко видеть, что современная персидская литература есть явление новое; недавно получив новое содержание, она стала живым и при благоприятных условиях способным к дальнейшему развитию организмом. Общий характер этой новой литературы и ее значение покажет будущее.

А. А. Ромаскевич

